

НЕМЕЦКИЕ ИСТОРИКИ НА СЛУЖБЕ ГЕРМАНСКОГО ИМПЕРИАЛИЗМА

I

Изучение и оценка немецкой историографии эпохи империализма — задача, не утратившая своей актуальности, ибо немецкая реакционная историография продолжает жить за пределами Германии. В США прилагаются все усилия к тому, чтобы укрепить в учёном мире авторитет немецких реакционных историков. В этом смысле интересен большой историографический обзор американского историка Хэммена «Немецкие историки и пришествие национал-социализма»¹, появившийся в 1941 году. В то время наличие у американского автора прогерманской и профашистской тенденции ещё было некоторой неожиданностью. По существу статья Хэммена содержала в псевдо-объективной форме развёрнутую апологию реакционной немецкой историографии веймарского периода и сверх того — осторожную попытку обелить заодно и фашистскую историографию, отвести от неё, хотя бы частично, обвинение в ненаучности. Авторы двух новейших американских историографических трудов Барнс и Томпсон² также стремятся показать превосходство немецкой историографии, поставить немецких реакционных историков — Ранке и других — в центр общей концепции истории исторической науки. В частности, они расценивают как образец объективности поколение «учеников Ранке». Барнс пишет, что эти историки «вновь явили пример объективности в духе Ранке» и что в их работах «корректированы ошибочные суждения более ранних авторов, представлявшие собой результат их патриотических предрассудков»³. Белов писал в 1914 г.: «Никогда ещё, пожалуй, историография не была столь объективной, как в наши дни»⁴. А Томпсон в 1942 г. дал ту же оценку, заявляя, что после Трейчке, «последнего ве-

ликого представителя прусской школы в историографии... немецкие историки вернулись к старому идеалу Ранке — беспристрастной историографии»⁵. Нет никакого сомнения, что данные утверждения Белова и американских историографов идут вразрез с исторической действительностью.

В настоящей статье внимание сосредоточено на той группе историков, научная и политическая деятельность которых была ещё в первые десятилетия XX в. организована так называемым Пангерманским союзом. Именно эта группа была среди немецких историков наиболее влиятельной и сыграла очень значительную роль в моральной подготовке народных масс к империалистическим войнам; созданные ею лжеисторические концепции всё ещё пользуются авторитетом далеко за пределами Германии. Влияние этих концепций так или иначе сказывалось и на работах широкого круга историков, которые непосредственно не принадлежали к этой организованной группе и среди которых были учёные, пользовавшиеся известностью, например, Лампрехт. Что же касается тех немецких историков, которые избежали влияния пангерманских концепций, то их научная продукция не имела ни в академических кругах, ни в массах, ни в Германии, ни за её пределами того влияния, которое имели пангерманские историки. При своём появлении в свет работы этих более прогрессивных учёных получали во многих случаях незаслуженно отрицательную оценку или просто замалчивались официальной критикой и даже библиографией. Выявление таких историков, изучение их работ, конечно, необходимо для того, чтобы получить всестороннее представление о немецкой исторической науке эпохи империализма.

Организованный характер деятельности пангерманских историков отчётливо выявляется в 900-х годах, когда вдохновители и организаторы германской агрессии вплотную приступили к предвоенной моральной подготовке народных масс. Как сообщает эльзасский историк Хельмер, Пангерманский союз после Висбаденского съезда в сентябре 1907 г. «удвоил свою работу и усердие; он настойчиво потребовал «национального воспитания» народных масс»⁶. В том же, 1907 году «Всеобщий немецкий школьный союз» был преобразован в «Не-

¹ Hammen O. «German Historians and the advent of the National socialist State». «Journal of Modern History», June 1941, № 2, p. 161—188. Содержание статьи Хэммена проанализировано мной в «Internationale Literatur» № 8—9. 1945.

² Barnes H. E. «A history of historical writing». University of Oklahoma Press. 1935; Thompson J. W. «A history of historical writing». Vol. I—II. New York. 1942.

³ Barnes H. Указ. соч., стр. 247.

⁴ Below G. «Geschichtschreibung und Geschichtsforschung. Deutschland unter Kaiser Wilhelm II». Bd. III, S. 1176. Berlin. 1914.

⁵ Thompson J. Указ. соч. Т. II, стр. 224.

⁶ Helmer P. «Guillaume II et les pangermanistes». «Revue de Paris», 1913, 15 avril. p. 699.

мецкий заграничный союз», развернувший, как известно, свою якобы культурную работу в широчайшем масштабе. Один этот факт веско свидетельствует о том, что Пангерманский союз чрезвычайно активизировался на поприсе «культуры».

В мемуарах председателя Пангерманского союза Генриха Класа 1907 год тоже фигурирует как поворотный пункт в развитии «идеологической» работы союза и как раз применительно к истории. Правда, Клас и в данном случае остаётся верен своему правилу не обрисовывать действительного размаха пангерманской пропаганды и умалчивать о конкретных мероприятиях Пангерманского союза в области культуры. Он просто рассказывает анекдот в духе Ранке о том, как незадолго до своей смерти, в 1907 г., его предшественник, первый председатель Пангерманского союза, Хассе, высказал на заседании исполнительного комитета союза мысль о необходимости написать «Немецкую историю» для народа и как он, Клас, подхватил эту мысль и, не будучи историком, быстрыми темпами выполнил (с помощью своей жены) задание Хассе⁷. Книга появилась в 1909 г. под псевдонимом «Эйхарт». Ей была сделана огромная реклама; в 1912 г. вышло уже четвёртое издание, в 1922 г. — 11-е, в 1936 г. — 16-е. В частности Эйхарт получил широкое распространение среди немцев, проживавших за пределами Германии. В это же время большую литературную продукцию дал и другой деятель Пангерманского союза, берлинский профессор (с 1913 г. член Прусской академии наук) Дитрих Шефер. В 1907 г. он выпустил двухтомную «Всемирную историю нового времени» (с посвящением «Другу Эдуарду Мейеру»), а в 1910 г. — двухтомную «Немецкую историю» и 3-е издание «Колониальной истории».

Характерным для предвоенных лет явлением была попытка Пангерманского союза объединить вокруг себя в 1912 г. широкие круги учёных и вообще деятелей культуры, германских и заграничных, без различия подданства, под мирным «научным» предлогом создания «Германской национальной библиотеки» в г. Гота, где предполагалось собрать все работы, необходимые для изучения германства, истории немцев всех эпох и племён и, в частности, для изучения «культурной работы немцев на всём земном шаре», что являлось обычной формулой для обозначения деятельности Немецкого заграничного союза. В числе лиц, подписавших воззвание, среди деятелей литературы и науки и наряду с Х. Ст. Чемберленом, Д. Шефером, Г. Класом, Меллером виден Бруком стоит имя угольного короля Эмиля Кирдорфа, председателя рейнско-вестфальского угольного синдиката.

В годы войны Пангерманский союз инсценировал активные выступления учёных для пропаганды аннексионистской программы. Коллективные аннексионистские высту-

пления немецких учёных неправильно было бы рассматривать как чисто конъюнктурные явления военного времени. Их глубокое историческое значение состоит в том, что они являлись плодом длительной работы, организованной магнатами капитала, всесторонне подготовлявшими империалистическую агрессию. Основные направления этой агрессии задолго до 1914 г. были не только разработаны политиками, но и подкреплены новейшими ложными концепциями исторического развития немецкого народа.

В организации аннексионистских выступлений немецких учёных в годы войны рядом с Эмилем Кирдорфом и Класом ведущая роль принадлежала историкам. В первой половине 1915 г. образовался «подготовительный комитет» учёных. Клас предпочёл остаться в тени; непосредственную организационную работу он поручил своему помощнику Витингофу-Шеель, который в конце марта 1915 г. и был командирован для этой цели в Берлин. «К концу апреля, — рассказывает Клас, — дело уже было продвинуто настолько, что образовался комитет, в который входили, кроме Шефера и Зеберга, и другие учёные с известными, можно даже сказать, большими именами: Отто фон Гирке, Отто Гинте, Герман Шумахер (Бонн) и, что замечательно, также Фридрих Мейнеке и Герман Онкен. Из прочих «уважаемых лиц» в комитет вошли: адмирал фон Груме-Дуглас, гехеймрат Эмиль Кирдорф, посол фон Рейхенау, председатель провинциального управления фон Шверин и, не забудем упомянуть, Андреас Гильдемейстер из Бремена»⁸.

Эмиль Кирдорф — один из основателей Пангерманского союза, неизменный член его центрального комитета и щедрый «жертвователь» на его нужды, вступил, по словам Класа, «незадолго до начала войны»¹⁰ в ещё более тесные отношения с союзом и, прибавляет Клас, «в первую очередь со мной лично». Кирдорф согласился быть выбранным в главное правление и в военные годы принимал активнейшее участие в работе союза — во всём, что касалось «целей войны». Таким образом, учёные, привлечённые к делу обработки общественного мнения, трудились в подготовительном комитете под непосредственным руководством Кирдорфа.

Официальным председателем комитета учёных на первом этапе его деятельности, завершившемся выпуском известного аннексионистского возвания «Меморандум интеллигенции от 8 июля 1915 г.», был богослов Рейнгольд Зеберг. Как профессор Берлинского университета по кафедре истории церкви и автор четырёхтомной «Истории догматов», он причислял себя к историкам. Зеберг — активный участник известного антисемитского «Христианско-социального союза», а после смерти Штёккера — председатель этого союза. В 1918—1919 гг. он ректор Берлинского университета. В октябре 1919 г., рассказывает Зеберг в своей авто-

⁷ Class H. «Wider den Strom», S. 119 ff. Leipzig. 1932.

⁸ «Zeitschrift für den deutschen Unterricht». 1912, S. 448.

⁹ Class H. Указ. соч., стр. 395.

¹⁰ Там же, стр. 247—248. Клас не указывает точной даты приблизительно конец 1911, начало 1912 года.

биографии, «я передал звание ректора в руки моего друга Эдуарда Мейера»¹⁴. Наиболее политически активным среди историков, входивших в подготовительный комитет, был Дитрих Шефер. Членом Пангерманского союза и антипольского «Немецкого союза восточной марки» он состоял с самого основания обеих этих организаций. В самый разгар пангерманской агитации за первый законопроект о флоте в 1897 г. он руководил баденским отделением Флотского союза. В 1903 г. Шефер получил профессию в Берлине. Здесь он участвовал в 1907 г. в столь важном акте, как преобразование Всеобщего немецкого школьного союза в Немецкий заграничный союз, а в 1912 г. — в организации Военного союза, для которого составлял текст воззваний. Во время войны Шефер развивал чрезвычайную активность. Как специалист по части коллективных выступлений учёных, он неоднократно брал на себя соответствующие организационные функции, а также устраивал серии публичных лекций в разных городах Германии и оккупированной немцами Прибалтики, причём сам выступал не менее двухсот раз. Им написано, по собственным его словам, огромное количество брошюр и статей¹².

На заседаниях комитета историки были окружены практиками. Отметим, что Рейхенау занимал пост председателя Немецкого заграничного союза. Шверин, известный «гакатист», сыгравший значительную роль при проведении закона об отчуждении польских имений в Познани, являлся «знатоком» польского вопроса. «Знатоком русских условий» был Витингоф-Шеель, остзейский барон и коммерсант. По словам Класа, Витингоф за годы войны так хорошо сработался с академическими кругами, что с большим успехом продолжал свою деятельность в области культуры и после 1918 г. в Веймарской республике и в значительной мере, как отмечает Клас, содействовал тому, что Пангерманский союз получил возможность играть и в этой области ведущую роль¹³. Знатоком Бельгии был боннский экономист Шумахер. Наконец, негласным представителем Класа в комитете был Гильдемейстер, литератор из партии «свободомыслящих», ставший теперь правой рукой Класа.

Нет нужды излагать здесь содержание «Меморандума интеллигенции» от 8 июля 1915 года. При этом случае были использованы рассуждения о «среднем положении» Германии и о взаимоотношении немецкого государства и немецкой культуры, предусмотрительно разработанные в пангерманских концепциях истории Германии и широко популяризированные в предвоенные годы.

Закончив работу по составлению меморандума, подготовительный комитет прекратил своё существование, вернее, тут же, в конце июля 1915 г., превратился в безымянный¹⁴,

¹⁴ Seeberg R. Selbstbiographie. «Der deutsche Aufstieg». Hrsg. von H. v. Arnim und Prof. G. v. Below. S. 420. Berlin. 1924.

¹² Schäfer D. Selbstbiographie. «Der Deutsche Aufstieg», S. 441—445.

¹³ Class H. Указ. соч., стр. 252.

¹⁴ Безымянным он был для того, чтобы не регистрироваться в полиции (Schäfer D.

полулегальный комитет под председательством Шефера. Клас рассказывает об этом в следующих выражениях: «Из круга лиц, проявивших инициативу в отношении этого меморандума, составивших его текст и подписавших его, образовался постепенно сплочённый коллектив — «Независимый комитет в пользу немецкого мира». И в этом деле инициатива шла от меня и в совершенной тайне»¹⁵. Комитет этот действовал, по словам Класа, «весьма решительно, в духе Пангерманского союза»¹⁶. Он располагал широко разветвлённой сетью местных организаций, неполный перечень которых имеется в мемуарах Шефера¹⁷ и в книге Анри Берра «Германия. Размышления о войне и мире. 1918—1939»¹⁸. Рорбах указывает, что таких местных организаций было около трёхсот¹⁹. Шефер говорит, что в новый комитет вошли: Зеберг, Шефер, Эдуард Мейер (весьма активное участие которого Шефер неоднократно подтверждает в своих мемуарах), Эмиль Кирддорф, Рейхенау, Шверин, Грумме-Дуглас, Гильдемейстер. На первом же заседании кооптировали главу треста И. Г. Фарбениндурии Дуисберга и ещё нескольких представителей делового мира. Из историков названы также В. Фогель и Ф. Ф. Эйфе²⁰. Следует иметь в виду, что все эти полуофициальные перечни имён историков в связи с сообщениями о составе и деятельности Независимого комитета и в других аналогичных случаях, конечно, не являются исчерпывающими.

Историки, работавшие в Независимом комитете, осуществляли «тщательное наблюдение за внешнеполитическим положением и уточнение целей войны»²¹, — так выражался Вортман, автор истории «Немецкой ответственной партии». Независимый комитет сыграл также большую роль в кампании за самые беспощадные методы ведения подводной войны. В одном из меморандумов по данному вопросу Шефер, высказываясь за беспощадные методы, писал: «Такой взгляд является господствующим как раз в самых лучших кругах нашего народа, в первую очередь в академических»²². Меморандумы посылались и от группы берлинских профессоров, и от Независимого комитета, и лично Шефером, и лично Э. Мейером, и, наконец,

«Mein Leben», S. 172. Berlin. 1926); легализировался он лишь год спустя, 13 июля 1916 г., под названием «Независимый комитет в пользу немецкого мира» (там же, стр. 189).

¹⁵ Class H. Указ. соч., стр. 398.

¹⁶ Там же, стр. 365.

¹⁷ Schäfer D. Указ. соч., стр. 172.

¹⁸ Berr H. «Les Allemagnes. Réflexions sur la guerre et sur la paix. 1918—1939». Ed. Aubin Michel, p. 79—80. 1939.

¹⁹ Rohrbach P. «Die alldeutsche Gefahr». S. 35. Berlin. 1918.

²⁰ Schäfer D. Указ. соч., стр. 171—172.

²¹ Wortman K. «Geschichte der Deutschen Vaterlands-Partei. 1917—1918». (Hallische Forschungen zur neueren Geschichte. «Historische Studien». H. 3. Hrsg. von R. Fester). S. 16. Halle. 1926;

²² Schäfer D. Указ. соч., стр. 178.

два меморандума с огромным количеством подписей: один — кайзеру, другой — рейхстагу.

В связи с агитацией, развёрнутой Независимым комитетом против «мирной резолюции» рейхстага от 19 июля 1917 г., Анри Берр упоминает о выступлении семи берлинских профессоров, называя их «университетской верхушкой»: Адольфа Вагнера, Гирке, Шефера, Виламовиц-Меллендорфа, В. Кааль, Эдуарда Мейера, Зеберга²⁴.

Кипучую деятельность развивал Независимый комитет в области «восточной политики», причём было уделено много внимания судьбе Польши. Пангерманский союз и Независимый комитет добивались, чтобы польские территории были немедленно инкорпорированы в Пруссию. После февральской революции в России Независимый комитет усиленно пропагандировал мысль, что теперь нужно использовать момент для того, чтобы быстро скрутить Россию. Вся эта деятельность Независимого комитета неотделима от деятельности Пангерманского союза.

Члены Независимого комитета давали большую литературную продукцию; при этом полностью была использована концепция о «мирном» характере средневековой немецкой колонизации «славянского востока», разработанная в предвоенные годы.

С 1 апреля 1917 г. в Мюнхене начал выходить новый орган — «Обновление Германии». Ежемесячный журнал для немецкого народа²⁵. Редакторами его были Белов, Шефер, Зеберг и другие учёные, а также Х. Ст. Чемберлен, Клас, Шверин. Пангерманский союз рассматривал «Обновление Германии» как «руководящий национальный журнал»²⁶. Указывалось, что журнал помогает читателю выработать «целостное жизнеспособное немецкое мировоззрение». Рейнско-вестфальская газета тоже хвалила «целостность и высокий интеллектуальный уровень» нового органа. В «жизнеспособное мировоззрение» уже входили в неприкрытом виде установки расизма и антисемитизма. Антрополог Фриц Ленц дал статью о «расовой гигиене», выдвигая в качестве одного из основных её требований... завоевание «востока».

В сентябре 1917 г. политический аппарат тяжёлой индустрии подвергся существенным изменениям. Пангерманский союз, скомпрометировавший себя в общественном мнении чересчур откровенной и грубой пропагандой империалистических целей войны, решено было временно отодвинуть на задний план до лучших времён. Его работу должна была продолжать организация, якобы совершенно новая, под новым именем (немецкая отечественная партия), на новом

месте, притом подальше от Рура и Рейнско-вестфальской области, где связи с тяжёлой индустрией чересчур бросались бы в глаза. При организации немецкой отечественной партии приложены были все старания к тому, чтобы затушевать её преемственную связь с Пангерманским союзом, но фактически кадры союза были использованы; и в первую очередь в новую партию влились кадры Независимого комитета, начиная с Шефера, который вошёл в правление, и кончая всеми местными организациями в полном составе. Вортман говорит, что от Независимого комитета немецкая отечественная партия «получала огромную пользу, поскольку к ней переходили готовые кадры Независимого комитета»²⁶. Вортман указывает некоторых — разумеется, не всех членов Малого комитета (так назывался руководящий орган немецкой отечественной партии). Среди них Белов, Клас, Шефер.

В новой партии историки попрежнему выполняли функции пропагандистов и консультантов. Вортман называет имена Рихарда Фестера, Иоганна Галлера, Финке, Шефера, Виламовиц-Меллендорфа. «Одним из передовых бойцов немецкой отечественной партии, — говорит он, — стал профессор фон Белов»²⁷. Что касается «тщательного наблюдения за внешнеполитическим положением и уточнения целей войны», то и эта сторона деятельности Независимого комитета, конечно, продолжалась. Особенно энергично она была развёрнута в связи с мирными переговорами в Брест-Литовске.

Историки не отрицали своей связи с немецкой отечественной партией и говорили о ней открыто, как, например, Белов в автобиографии. Отрицали они упорно, как и весь аппарат Пангерманского союза, свою связь с хозяином — с тяжёлой индустрией. Так, во время полемики, разгоревшейся вокруг «Меморандума интеллигенции от 8 июля 1915 г.», раздавались голоса, которые определённо ставили этот меморандум в связь с тяжёлой индустрией. По этому поводу Вортман говорит: «Профессор Зеберг тотчас же выступил против этих слухов. То же самое сделал профессор фон Белов в брошюре, изданной тогда же, летом 1915 г.: он заявил об отсутствии какой бы то ни было связи между вышеозначенным меморандумом и аннексионистскими планами «тех, кто около Кирдорфа»²⁸. Это была сознательная ложь: именно Кирдорф, как мы видели, лично участвовал в работе комитета, подготовившего воззвание.

Итак, изучение некоторых эпизодов работы Пангерманского союза в годы первой мировой войны обнаруживает существование крепко организованной группы историков, которая входила непосредственно в аппарат Пангерманского союза и немецкой отечественной партии. Труднее установить организационные подробности деятельности пангерманских историков после 1918 г., когда была распущена немецкая отечественная партия. И это не случайно. Те «работы» по исто-

²³ Вегг Н. Указ. соч., стр. 256.

²⁴ «Deutschlands Erneuerung». Eine Monatschrift für das deutsche Volk.

²⁵ Kloss M. «Die Arbeit des Alldeutschen Verbandes im Krieg. Rede, gehalten auf der Tagung des Alldeutschen Verbandes zu Kassel, am 7. Oktober 1917». Hrsg. von der Hauptleitung des Alldeutschen Verbandes. München. 1917. В речи Класа и на обложке брошюры — рекламные отсылки о журнале «Deutschlands Erneuerung».

²⁶ Wortmann K. Указ. соч., стр. 46—47.

²⁷ Там же, стр. 74.

²⁸ Там же, стр. 120.

рии Пангерманского союза и немецкой отечественной партии (например, полные хитросплетений и умодчаний книги Класа, Вернера, Вортмана, Шефера), которыми приходится всё же в значительной мере пользоваться, доводят изложение только до Веймарской республики. Дальше идёт тёмная полоса полуподпольного существования Пангерманского союза с его штабом учёных — период, когда Клас совместно с Гугенбергом посредничал между Людендорфом, с одной стороны, и магнатами Рура и Рейнской области — с другой, подготавливая пути для создания реакционной диктатуры²⁹. Одновременно Клас расширял идеологическую работу союза. Деятельность ведущей группы историков стала в период Веймарской республики ещё более широкой (что и показывает, например, историографический обзор Хэммена) и, вероятно, ещё более организованной. Служение пангерманских историков целям «тех, кто около Кирддорфа», конечно, не прекращалось ни на минуту. Теперь оно состояло в подготовке фашистского режима и второй мировой войны.

II

Пангерманские концепции отечественной истории являлись в руках вдохновителей и организаторов германской агрессии эффективным средством обмана народных масс.

В частности работы Шефера следует рассматривать как конкретизацию установок Пангерманского союза в отношении истории Германии. Установки эти разрабатывались при его же участии, ибо Шефер был одним из основателей и активнейших деятелей Пангерманского союза, ближайшим сподвижником первого его председателя Хассе, с которым дружил ещё на студенческой скамье, в семинаре Вайца. Влияние Шефера в университетских кругах было весьма и весьма ощутимо. Он профессорствовал начиная с 1877 г. в Цене, Бреславе, Тюбингене, Гейдельберге и с 1903 г. — в Берлине. Американский историограф Томпсон рассказывает, что Ранке фактически распорядился замещением кафедр почти во всех немецких университетах. В дальнейшем, говорит он, весьма влиятельны были ученики Ранке и, в ещё большей степени, ученики его учеников; при этом Томпсон называет в первую очередь как наиболее показательный пример Дитриха Шефера, «отца» 124 докторов³⁰. Желая охарактеризовать

²⁹ Об этой стороне деятельности Класа в 1923 г. и в последующие годы интересные подробности приводит M e g k e r P. *Deutschland sein oder nicht sein?* Bd. I. Von Weimar zu Hitler, S. 79—89, 122—125, 248; Bd. II, S. 356. Mexico. 1944. В 1929 г. Клас входил в руководящую четвёрку комитета, созданного специально для срыва репарационных платежей по плану Юнга. В четвёрку вошли Гугенберг, Гитлер, Зельдте как руководитель «Стального шлема» и Клас. Halperin S. *Germany tried democracy. A political history of the Reich from 1918 to 1933*, p. 393. New York. 1946.

³⁰ Thompson J. Указ. соч., т. II, стр. 187.

настроения немецких историков в годы первой мировой войны и выбирая для этой цели наиболее крупные, по его мнению, фигуры из академического мира, другой американский историограф Барнс, называет три имени: Эдуард Мейер, Белов, Шефер³¹. Общие труды Шефера по истории Германии и всемирной истории нового времени имели, по словам Барнса, чрезвычайно широкий круг читателей³². Высокую оценку этим трудам дал Белов. Так, например, превознося достоинства и достижения немецкой исторической науки в царствование Вильгельма II, Белов заканчивает свой обзор на высокой ноте: он подчёркивает, что при всей кропотливейшей детализации исследовательских работ историки его поколения всё же, «к чести немецкой исторической науки», не утратили способности давать обобщающие труды и понимать внутреннюю связь явлений и даже сумели превзойти в этом отношении историков предшествовавшего поколения. Затем Белов приводит имена: «Из трудов большого охвата, принадлежащих перу одного автора, назовём «Историю древности» Эдуарда Мейера, «Историю церкви в Германии» Хаука, «Всемирную историю» Т. Линднера, «Немецкую историю» Дитриха Шефера и его же «Всемирную историю нового времени»³³. В «Немецкой историографии» Белов даёт обобщающим трудам современных ему немецких историков ту же высокую оценку, причём называет только две книги (лучшие из лучших!): «Историю древности» Эдуарда Мейера и «Всемирную историю нового времени» Дитриха Шефера³⁴.

Шефер, как его друг Э. Мейер, как и прочие пангерманские историки, — противник идеи закономерности в истории. Этой «теоретической» позиции пангерманские историки придавали огромное значение. Характерно в этом отношении заявление Белова, который рассказывает в автобиографии: «Читая книги Риккерта, я испытывал чувство счастья, освобождения от висевшей надо мною угрозы, от предрассудков, нелепость которых я ощущал живейшим образом, но не в силах был дедуцировать логически до последнего основания. В этом смысле «Границы естественно научного образования, понятий» Риккерта с их доводами против позитивизма и натурализма были для меня ободрением, отрадой, позвией жизни»³⁵. Шефер тоже называет понятие исторической закономерности предрассудком и подшучивает над ним. По его словам, исторический процесс — «пестрейшее взаимодействие общих и пер-

³¹ Barnes H. Указ. соч., стр. 278.

³² Там же, стр. 211.

³³ Below G. Указ. соч., т. III, стр. 1177.

³⁴ Below G. «Die deutsche Geschichtsschreibung von den Befreiungskriegen bis zu unseren Tagen», S. 125. München — Berlin. 1924.

³⁵ Below G. Автобиография в сборнике «Die Geschichtswissenschaft der Gegenwart in Selbstdarstellungen». Bd. I, S. 30. Leipzig. 1925. В дальнейшем: Below G. Автобиография в сборнике...

сональных мотивов... беспорядочно перемешанные друг с другом общие и частные явления жизни»³⁶. При конструировании исторических концепций эти «персональные мотивы» использовались весьма широко, например, в качестве приёма, облегчающего переход от одного исторического этапа к другому, и Шефером, и Беловым, и многими другими.

Шефер оперирует словами «понимание» и «смысл» как особой познавательной категорией. Белов тоже оперирует термином «осмысленное понимание», который противопоставляет «эмпирическому хламу»³⁷. Шефер подчёркивает, что только при отказе от понятия закономерности историк способен «верно схватывать смысл» исторических событий — этого «смешения общих и частных явлений жизни» — и «правильно оценивать значение» тех или иных государств, народов, религий³⁸. Он настойчиво заявляет, что никоим образом, ни под каким видом не считает возможным «излагать в каком бы то ни было отношении закономерное течение событий»³⁹.

Доставивший Белову такую большую радость принципиальный отход от естественного пути человеческого познания открывал широкий простор для лженауки. Построения Шефера содержат типичнейшие примеры, показывающие, чем заменилось научное познание взаимосвязи явлений. В первую очередь применялся, конечно, тот основной, классический приём, который назван у Белова «конструктивным, систематическим элементом»⁴⁰, по существу — произвольное конструирование. Сверх того были пущены в ход самые разнообразные ухищрения, способные служить для неискущённого читателя заменителями научных обобщений: пустая фразеология, игра якобы научными или якобы философскими терминами, спекуляция на эмоциях читателя и т. д. — всё это применено в книгах Шефера с большой ловкостью.

Какое же «понимание смысла» истории Германии преподавал Шефер и какие он давал оценки отдельных исторических этапов, событий, лиц? Смысл истории, говорит Шефер во введении к «Немецкой истории», надо искать, исходя из современности. А для современной Германии, для её «особого положения» среди других стран Европы, характерны две черты: во-первых, очень большая примесь «чужеродных элементов» и, во-вторых, тот факт, что большое количество немцев живёт за пределами немецкого государства. Таким образом, Шефер прямо начинает с того, что стояло в центре внимания Пангерманского союза.

Рецензенты Шефера с особой похвалой отмечали стройность и единство его кон-

цепции⁴¹. Спрашивается, откуда же единство и стройность у автора, который отказался от закономерности? Действительно, единство замысла налицо в книгах Шефера, но оно не познавательного характера. Концепция Шефера, как и все пангерманские схемы истории Германии, рассчитана на то, чтобы создать у читателя представление о драматическом, исключительно тяжком историческом пути немецкого народа, с крутыми подъёмами и глубокими падениями — пути, неизменно требующем от немцев крайнего напряжения сил, и для того, чтобы избежать «уничтожения», и для того, чтобы не упустить возможностей блестящего расцвета и мирового владычества. Именно это является стержнем повествования. Такое построение отечественной истории рассчитано было на то, чтобы вызывать у читателя именно ту гамму чувств, которую демагогически использовали империалистические круги Германии, подготавлившие мировую войну. Наряду с этим основным эмоциональным стержнем изложения Шефер использовал ещё и «теоретический» придаток: рассуждения о «срединном положении» Германии в Европе. В более популярных книгах иногда этот придаток сводился к минимуму, у некоторых авторов он фигурировал лишь в виде стандартизированных образных выражений: «середица Европы», «сердце Европы».

Шефер хочет внушить читателю представление, что историческим развитием немецкого народа якобы созданы предпосылки для осуществления мирового господства империалистической Германии. Он не говорит этого прямо, но при помощи намёков и сопоставлений подкашивает эту мысль читателю. Особенно охотно сравнивает он немцев с римлянами «на их пути к мировому владычеству» и заявляет, что группа германских народов «поворачивала колесо мировой истории более мощно, более эффективно, чем какая бы то ни было другая», — германцы превзошли в этом отношении греков и римлян⁴².

Шефер рисует картину средневекового единого национального немецкого «сильного государства», якобы обеспечившего немцам и ведущую роль в Европе и колонизационные успехи на «славянском востоке». Крупные личности, облечённые властью и «стоявшие выше своей эпохи», говорит он, создали «политическое единство», а географическое положение Германии открыло им возможности исключительных колонизационных достижений⁴³.

Шефер утверждает, что Карл Великий сознательно преследовал цель объединения германских племён Центральной Европы в

⁴¹ См. рецензии Wiegand W. «Historische Zeitschrift». Bd. 108, H. 3, S. 633—636; Vignier F. «Revue historique», 1912 septembre—octobre, p. 104—105; Schulze W. «Historische Vierteljahrsschrift». 1913, H. 3, S. 443—444.

⁴² Schäfer D. «Deutsche Geschichte». Bd. II, S. 464—465. Jena. 1910.

⁴³ Там же, т. I, стр. 7; т. II, стр. 465 — 466. «Kolonialgeschichte», S. 29—30. Leipzig. 1910.

³⁶ Schäfer D. «Deutsche Geschichte». Bd. I, S. 12. Jena. 1910.

³⁷ Below G. Автобиография в сборнике... Bd. I, S. 12.

³⁸ Schäfer D. «Deutsche Geschichte». Bd. I, S. 12.

³⁹ Там же, стр. 11.

⁴⁰ Below G. Автобиография в сборнике... Bd. I, S. 31.

единую империю⁴⁴. Он осыпает похвалами средневековых императоров. У Карла Великого, говорит он, был «преизбыток силы и мудрости», а проявленная им суровость в отношении саксов справедливо забыта потомством⁴⁵. Барбаросса — «воплощение великолетия немецких императоров... идеальный образ немца, монарха, война»⁴⁶. «В своём устремлении к мощи, — замечает Шефер, — он в отдельных случаях не воздерживался от отталкивающей суровости»⁴⁷, но это не должно влиять на суждение историка. Шефер считает, что Барбаросса обладал всеми достоинствами монарха; он стремился к «увеличению мощи» и «был блестящим представителем своего народа»⁴⁸, «последним великим представителем немецкой идеи мощного государства»⁴⁹. Итальянские походы немецких императоров Шефер оправдывает как естественное и неизбежное проявление «политики силы». Он пишет: «Когда Оттон I вмешался в итальянские дела, он уже обладал в Европе совершенно исключительным положением, и это обстоятельство неизбежно, неотвратимо оказывало своё влияние и за пределами империи. Мощь подобна самой природе: она не терпит пустоты. Столь сильная личность, как Оттон, не могла не стремиться безудержно к тому, чтобы повелевать непокорным и устанавливать порядок там, где царил неурядица... Направление же для устремлений сильнейшего из государей Европы было предугазано со времён Пипина и Карла Великого, и оно оставалось неизменным примерно тысячу лет: это было стремление в Италию, резиденцию универсального папства, родину римской культуры, солнечный сад Европы»⁵⁰. Однако, взвешивая результаты итальянской политики немецких императоров, её пользу или вред для дальнейшего развития Германии, Шефер занял двойственную позицию в этом вопросе, вызвавшем столько споров в немецкой историографии. Соответствующие разделы его «Немецкой истории» — нагляднейший пример применения излюбленного пангерманскими авторами троика: одновременного или, вернее, попеременного утверждения двух суждений, противоречащих одно другому. Приём этот, открывающий простор для всякого рода шулерских проделок, получил большое распространение, — и не только в Германии; он укоренился прочно, дожил до наших дней, и мы встречаемся с ним на каждом шагу в реакционной публицистике и псевдонаучной литературе. Шефер был виртуозом в применении этого троика.

В общем период средневековой империи получает в «Немецкой истории» Шефера по-

ложительную оценку как «эпоха, богатая славой, полная сил»⁵¹. За подъёмом последовал период упадка. В XV в., говорит Шефер, самое существование империи, единство и независимость немецкой нации оказались на краю гибели⁵². Причины такой катастрофы изложены запутанно и сбивчиво, что стоит в связи с двойственностью позиции Шефера. В качестве основной причины он выдвигает в ходе изложения то разлагающее влияние борьбы пап и императоров за инвеституру, то «срединное положение» Германии, то личные свойства или же преждевременную смерть некоторых императоров, что преподносится читателю в качестве случайности, роковой для исторического развития Германии.

Большое место в концепции Шефера занимает картина средневековой немецкой колонизации «славянского востока». Шефер считался специалистом по истории колонизации, и, когда в «Revue historique» была помещена хвалебная рецензия на первый том «Немецкой истории» (написанная заведующим критическим отделом «Historische Zeitschrift» Вигенером), то соответствующие главы, особо рекомендовались вниманию французских историков. Основная характеристика средневековой немецкой колонизации «востока» варьирует у Шефера в зависимости от требований политического момента. В 70-х и 80-х годах в работах о Ганзе⁵³ он ничуть не стеснялся говорить о завоевании славянских земель и об истреблении славянского населения. В то время он говорил: сначала завоевание, потом колонизация. Но в предвоенные годы («Колониальная история» (1903), «Всемирная история нового времени» (1907), «Немецкая история» (1910) сильнейший упор сделан на «мирную» колонизацию, причём аргументация Шефера в основном сводится к следующему. В «большей половине» славянских территорий у власти оставались почти повсюду исконные славянские правители, и там, утверждает Шефер, «вообще не было пролито ни единой капли крови»⁵⁴ при немецкой колонизации. Что же касается судьбы «меньшей половины», то о ней Шефер повествует, изыскивая особые обороты и выражения для того, чтобы не называть вещи их именами: «Военные средства применялись только в качестве

⁵¹ Там же, стр. 395.

⁵² Там же, стр. 7; т. II, стр. 466.

⁵³ Schäfer D. «Die deutschen Hansestädte und König Waldemar von Dänemark. Hansische Geschichte bis 1376. Gekrönte Preisschrift (1879)»; «Die Hanse und ihre Handelspolitik». Vortrag. Jena. 1885. Итогом своих исследований по истории Ганзы Шефер считал вывод, что «экономический подъём можно завоевать и удержать только при помощи политической силы» (Schäfer D. «Mein Leben». S. 101). Историю Ганзы как иллюстрацию этой характерной для пангерманцев установки Шефер использовал в период агитации за законы о флоте в брошюре «Deutschland zur See».

⁵⁴ Schäfer D. «Kolonialgeschichte». 3. Aufl., S. 35. Leipzig. 1910.

⁴⁴ Schäfer D. «Deutsche Geschichte». Bd. I, S. 108. Jena. 1910; см. там же, стр. 115: «Von germanischer Denkweise aus erstrebte Einheit».

⁴⁵ Там же, стр. 122—123.

⁴⁶ Там же, стр. 271—272.

⁴⁷ Там же, стр. 272.

⁴⁸ Там же, стр. 299.

⁴⁹ Там же, стр. 298—299.

⁵⁰ Там же, стр. 163.

вводных операций»⁵⁵. Далее Шефер пишет, что «зависимость» славянских племён, живших между Эльбой и Одером, «создана была при помощи наступательных действий; когда же эта зависимость перестала быть спорной, — а ведь немецкая колонизация и германизация только с этого времени и начинаются, — то всё дальнейшее происходило мирно»⁵⁶. Только относительно владений Тевтонского ордена Шефер согласен признать, что тут «может идти речь» о «длительно осуществляемом принуждении силою оружия»⁵⁷. Но даже и в этом случае Шефер говорит незугитским языком, стараясь все одиозные слова, связанные с представлениями о жестокости, заменить бледными, неопределёнными выражениями, или каким-нибудь запутанным оборотом речи, или же, ещё лучше, применить их не к агрессору, а к жертве агрессии. Например: «Жестокое, упрямое сопротивление в высшей степени воинственного племени пруссов привело в этих местностях к своего рода истребительной войне, по крайней мере для более близких частей страны. Поселенцы, которых Орден привозил и морем и сушею, во многих случаях обрабатывали ту же землю, на которой раньше добывали себе пропитание павшие в бою»⁵⁸. К тому же, заканчивает Шефер, всё это «события особого рода»; эти «кровавые битвы» ничего не могут изменить в общем суждении относительно мирного характера немецкой колонизации»⁵⁹.

Чтобы оценить степень этого лицемерия, нужно знать шеферовскую характеристику колонизационной деятельности других народов. Везде Шефер связывает успехи колонизации с применением насилия; понятия «колонизации» и «завоевания» у него почти совпадают. В «Колониальной истории» эта точка зрения последовательно проводится начиная с древней Греции и кончая современностью. Методы жестокой эксплуатации, порабощения или истребления коренного населения колонизируемых стран Шефер не затуманивает; он выдвигает их на первый план как факт естественный и непреложный, употребляет прямые, жёсткие слова: «эксплоатация», «уничтожение», «истребление». Он одобряет поведение англичан-колонистов в Северной Америке, которых упрекали — и, по его мнению, совершенно несправедливо — в том, что они вытеснили и уничтожили индейцев: «При спокойном рассмотрении вопроса это скорее можно вменить им в заслугу. В противоположность испанцам и португальцам они строго избегали смешения с туземцами. Этому они и обязаны

чистотой своей белой расы, качеством, которое оказалось для них бесконечно ценным»⁶⁰.

Больше всего Шефер старается убедить читателя в том, что колонизация «славянского востока» имеет решающее значение для жизни немецкого народа. Однако от политического вывода для современности Шефер воздерживается. Он подводит читателя вплотную к этому выводу и... останавливает-ся.

III

Чтобы разобраться в умищрениях и умолчаниях Шефера, надо читать Эйнхарта. Прежде чем перейти к этому сравнению, приведём некоторые сведения об этой «Немецкой истории», написанной председателем Пангерманского союза.

«Немецкую историю» Эйнхарта нельзя рассматривать как выражение личных взглядов и суждений Генриха Класа. Это была ещё одна (наряду с шеферовской) конкретизация установок Пангерманского союза по части истории Германии. О помощниках и советчиках Клас говорит в неопределённых, двусмысленных выражениях. Называет «он только лиц, не принадлежавших к академическому миру»⁶¹, например двух редакторов «Рейнско-вестфальской газеты», Рейсман-Гроне и Генриха Поля, затем генерала Либберта, педагога Кальмбаха. О консультантах более крупного калибра Клас умалчивает. Однако, учитывая значение и роль историков в Пангерманском союзе, приходится считать концепцию, развитую в книге Класа, не чуждой академическим кругам Пангерманского союза. Клас рассказывает, что Эйнхарт при появлении в свет сильно нашумел. Белов и другие учёные, например Кайндль, цитировали Эйнхарта. В «Literarisches Centralblatt für Deutschland» книга Эйнхарта аттестована рецензентом⁶² как солидная научная работа; она противопоставляется несерьёзной, ненаучной литературе — «сборникам анекдотов в историческом одеянии» и прочим «развлекательным книжкам на исторической основе». По объёму и по характеру изложения Эйнхарт действительно не отличался от традиционного типа «общей работы».

Гвоздь «Немецкой истории» Эйнхарта — «дранг нах остен». «Восток» появляется уже на пятой странице в связи с ранними переселениями германских племён. Рассказывая, как германцы «пустились в путь», Клас сразу спрашивает: «Почему же, однако, путь этот был не на восток?» И продолжает с лафосом: «Это первый вопрос, роковой для судьбы немецкого народа, вопрос, который поставлен был перед немецкими племенами и перед всем миром!»⁶³. Раздел «Переселение народов» заканчивается так: «Если в наши дни в Германской империи существует польский вопрос, если в Австрии

⁵⁵ Schäfer D. «Deutsche Geschichte», Bd. I, S. 341. Jena. 1910.

⁵⁶ Schäfer D. «Deutsche Geschichte», Bd. I, S. 341.

⁵⁷ Schäfer D. «Kolonialgeschichte», S. 35.

⁵⁸ Schäfer D. «Deutsche Geschichte», Bd. I, S. 343. В оригинале витиеватый оборот, затемняющий суть дела: «Die Siedler... bebauten vielfach denselbern Boden, aus dem auch die im Kampfe Gefallenen ihre Nahrung gezogen hatten».

⁵⁹ Там же, стр. 343.

⁶⁰ Schäfer D. «Kolonialgeschichte», S. 74.

⁶¹ Class H. Указ. соч., стр. 119 и сл.

⁶² «Literarisches Centralblatt für Deutschland». 1909, стр. 1038—1039. Редактор журнала — проф. Эдуард Царнке.

⁶³ Einhart «Deutsche Geschichte», S. 5—6. 4. Aufl. Leipzig. 1912.

немцы подвергаются натиску поляков, чехов и словенцев, то это является последствием переселения народов, ибо до сих пор ещё славянские племена владеют исконными немецкими территориями»⁶⁴. В оценке значения немецкой средневековой колонизации «славянского востока» Клас не расходится с Шефером. Это — «величайшее деяние средневековой истории немецкого народа»⁶⁵. На нём основано «современное положение Германии как мировой державы»⁶⁶.

Различие между Эйнхартом и Шефером заключается в дозировке, в пропорции, если можно так выразиться, завоевания и «мирной» колонизации. У Класа гораздо меньше мирной колонизации, хотя он никоим образом не выпускает из рук и эту тему (см., например, о немецкой крестьянской колонизации Чехии и Моравии). Но чаще и больше он говорит о завоевании славянских земель.

В книгах Шефера и Класа учтена психология разных категорий читателей, применён один из основных принципов пангерманской пропаганды, которая всегда была специализированной, обращалась к определённой аудитории. «Мирный» вариант Шефера рассчитан и на пацифистские элементы внутри страны и на экспорт: имелось в виду обмануть и успокоить население тех стран — уже намеченных жертвами агрессии, — сопротивление которых желательно было ослабить, например Украины, Прибалтики. Характерно, что в 1918 г., после занятия Украины немцами, сразу же выпущен был новый, русский перевод «Колониальной истории» Шефера.

Неодинакова была также в «Немецкой истории» Шефера и в «Немецкой истории» Класа оценка итальянской политики средневековых императоров. Правда, Клас тоже много говорил о «мощи и блеске» средневековой империи, тоже до небес превозносил личные доблести императоров. Но политику их он резко осудил как не отвечающую истинным интересам немецкого народа, как заблуждение, которому он противопоставлял единственно правильную и в прошлом и в настоящем политику экспансии на Восток. При этом все сильные средства воздействия на читателя Клас обратил главным образом на первую часть антитезы (осуждение итальянской политики) как ошибки «роковой», «злосчастной», «чреватой несчастьями», давшей немецкому народу «полноту мук и страданий», — ошибки, послужившей основной причиной развала империи⁶⁷. Ей противопоставлена изложенная более кратко, в более спокойном тоне «ближайшая задача реальной политики»⁶⁸, якобы выдвинутая всем ходом истории, но улучшенная императорами. Надо было, говорит Клас, «добывать пространство для немецкого народа в восточной части Центральной Европы, а не гоняться в Италии за мечтами о неосуществимой мировой империи»⁶⁹. Повторность, резкость, патетичность осуждения итальян-

ской политики имели целью врезать в сознание и память читателя убеждение в том, что и для современной Германии единственный путь спасения и расцвета лежит на Восток.

У Класа нашёлся в академических кругах сильный союзник — Белов: он подвёл внушительную базу под «Немецкую историю» Эйнхарта в данном вопросе, представлявшем собой гвоздь всей книги. Белов широко развернул учёнейшую полемику, связав её со старой контроверзой 60-х годов между Зибелем и Фиккером. И в свой перечень «более поздних и следователей ей» (разрядка моя. — Д. З.) сторонников Зибеля он, не стесняясь, включил Эйнхарта — Класа⁷⁰.

Белов подробно излагает историографию данного вопроса⁷¹. Спор Зибеля и Фиккера относится к 60-м годам. Зибель давал политике средневековых императоров отрицательную оценку, катодик Фиккер — положительную, что стояло в связи с политической злобой дня: это был спор между установками «великогерманской» и «малогерманской». В первое время большинство немецких историков склонялось к концепции Зибеля, но начиная с 80-х годов, говорит Белов, намечился перелом, многие начали отходить от этой концепции⁷², и в настоящее время взглядов Зибеля придерживается лишь небольшая группа историков. К этой последней Белов причисляет и себя, разъясняя, что издавна был сторонником Зибеля и именно в этом смысле высказывался в университетских лекциях. Далее Белов указывает, что в печати он впервые дал краткую формулировку своей позиции в 1901 и 1908 гг. в рецензиях⁷³, а затем в 1912 г. его точка зрения была развита его учеником Керном в рецензии на «Немецкую историю» Шефера. Первое крупное выступление Белова по этому вопросу относится к 1914 году. Это были последние страницы книги «Немецкое средневековое государство». В автобиографии Белова подчёркнуто, что «первым энергич-

⁷⁰ Below G. «Deutsche Reichspolitik einst und jetzt». S. 5. Tübingen. 1922 (Recht und Staat in Geschichte und Gegenwart. Eine Sammlung von Vorträgen und Schriften auf dem Gebiet der gesamten Staatswissenschaft).

⁷¹ Below G. «Der deutsche Staat des Mittelalters. Ein Grundriss der deutschen Verfassungsgeschichte». Bd. I, S. 353 ff. Leipzig. 1914; «Deutsche Reichspolitik einst und jetzt». S. I ff.; «Die italienische Kaiserpolitik des deutschen Mittelalters mit besonderem Hinblick auf die Politik Friedrich Barbarossas. Ein Beitrag zur Frage der historischen Urteilsbildung». S. I ff. München — Berlin, 1927 (Beiheft 10 der «Historischen Zeitschrift»).

⁷² Below G. Рецензия на книгу Schwemer «Papsttum und Kaisertum» (1899). «Literarisches Centralblatt für Deutschland» S. 7—8, № 1. 1901.

⁷³ Указанная рецензия на книгу Швемера и рецензия на J. Jung «Julius Ficker. Ein Beitrag zur deutschen Gelehrten-geschichte», 1907. «Literarisches Centralblatt für Deutschland». 1908. № 1, S. 9—10.

⁶⁴ Einhart. Указ. соч., стр. 12.

⁶⁵ Там же, стр. 56.

⁶⁶ Там же, стр. 365.

⁶⁷ Там же, стр. 17, 23.

⁶⁸ Там же, стр. 38, 42, 44.

⁶⁹ Там же, стр. 38—39.

ным критиком итальянской политики средневековых императоров был Зибель», а Белов в 1914 г. «возобновил и обновил его критику»⁷⁴.

В этих сообщениях Белов сам засвидетельствовал свою инициативу в данном вопросе, проявленную в начале 900-х годов. Общая характеристика, которую Белов давал интересующей нас полемике, была, разумеется, фальшива. В полном соответствии со своей фикцией высокой объективности современной ему официальной немецкой историографии Белов утверждал, что контрверза Зибеля и Фиккера, имевшая в 60-х годах XIX в. определённую политическую окраску, теперь уже утратила политический смысл; спор будто бы перешёл на чисто научную почву⁷⁵. Так говорил Белов. Фактически же дело обстояло иначе. Правда, в 80-х годах действительно обозначился перелом в концепциях официальной немецкой историографии, ибо в обстановке резкого усиления захватнических устремлений германского империализма многие учёные принялись пересматривать и освежать исторические построения, пригодные для пропаганды лозунга «политики силы». В частности «мощь и блеск средневековой империи» и захват славянских земель можно было обыгрывать в разных направлениях. В дальнейшем, в 900-х годах, наряду с линией общего восхваления средневековой империи выдвинута была и вторая версия, более узко специализированная, подводящая псевдонаучную базу главным образом под одно направление германской агрессии — на Восток. В сущности, Белов рассказал и об этом, но вскользь, в завуалированной форме⁷⁶. Эту вторую версию, наиболее острую, наиболее актуальную и получавшую из года в год широчайшее распространение как в Германии, так и за границей (с 1909 по 1936 г. шестнадцать изданий Эйнхарта!), Белов неуклонно поддерживал в печати своим учёным авторитетом.

В упомянутых Беловым двух рецензиях —

⁷⁴ Below G. «Die Geschichtswissenschaft der Gegenwart in Selbststellungen». Bd. I, S. 47. Leipzig. 1926.

⁷⁵ Below G. «Die italienische Kaiserpolitik», S. 137 — 138.

⁷⁶ Заявив чётко и авторитетно, что в новейшее время спор Зибеля и Фиккера утратил политический смысл и перешёл на чисто научную почву, Белов совсем коротко добавляет, что до некоторой степени к этим научным расхождениям примешиваются и «психологические мотивы» исследователей: одни хотя бы почерпнуть «ободрение и подъём духа» из «героических подвигов немецких императоров в Италии», другие же — «из той деятельности средневековых немцев, которая была действительно плодотворна в политическом отношении, но, как выясняется, встречала препятствия именно со стороны итальянской политики». В этом месте (стр. 138) Белов даёт ссылку на стр. 12, где колонизация и германизация «славянского востока» оцениваются как грандиозное событие в истории человеческой культуры, с которым сравнение могут выдержать разве только процессы эллинизации азиатских стран.

1901 и 1908 гг. — оценка итальянской политики была сформулирована совершенно кратко. В книге «Немецкое средневековое государство» (1914 г.) дана развёрнутая оценка, но в сдержанных выражениях; Белов подходил к делу издали, после соответствующей «теоретической» подготовки. Вопрос вставлен в более широкие рамки раздела «Причины феодализма», который весь пронизан то явной, то скрытой тенденцией — против закономерности, за роль личности или случая. Отвергается сначала «экономическое» объяснение возникновения феодализма, а затем и объяснение из особенностей древнегерманского строя (институт дружины). В качестве фактора возникновения феодализма Белов как будто склонен рассматривать общирность территории, не допускающую, как он разъясняет, на известном уровне культуры единого, централизованного управления; но Белов обставляет это объяснение таким количеством оговорок и ограничений, такими «с одной стороны» и «с другой стороны», что от объяснения остаётся очень мало. И тут Белов принимается усиленно выдвигать роль личности, облечённой властью, или, несколько видоизменяя формулировку, роль случая («краткая жизнь династий в Германии»), и, наконец, сводит дело к политике немецких императоров, подчёркивая, что вообще политика — «наиболее личный из личных элементов»⁷⁷. Изложенная аргументация составляет переход к оценке пресловутой итальянской политики. Белов перебирает, взвешивает, учитывает все «за» и «против», выгоды и невыгоды, политическую обстановку, личные мотивы императоров, полемизирует с рядом авторов. А к концу раздела он вводит в изложение ещё один комплекс доводов, связанных с политической экспансии на «славянский восток»⁷⁸. Указав, что императоры преследовали «весьма отдалённые цели» и совершенно недостаточно занимались своей прямой, естественной задачей — усилением центральной власти, Белов прибавляет: «К тому же не было у немецких императоров недостатка и в иных и притом весьма стоящих задачах, разрешением которых они тоже не занимались с должным усердием. Мы знаем, что Генрих I успешно наступал на славян. При Оттоне I продвижение ещё продолжается. Но уже при его преемниках поражение в Италии наносит тяжёлый урон политической экспансии на восток... Не будь этих помех, мы имели бы последовательное и решительное продвижение германства: сначала политического господства, а затем и германизации»⁷⁹.

⁷⁹ Below G. «Der deutsche Staat des Mittelalters», S. 353.

⁷⁸ О суждениях Зибеля относительно завоевания и колонизации «славянского востока» Белов не упоминает. Всё, что относится к «восточной политике», он даёт от своего лица. Ср. Sybel H. «Die deutsche Nation und das Kaiserreich. Eine historisch politische Abhandlung». S. V, XII, 12—13 и др. Düsseldorf. 1862.

⁷⁹ Below G. «Der deutsche Staat des Mittelalters», S. 366—367.

В 1917 г. Белов прямо солидаризируется с Класом: по вопросу об оценке «итальянской политики» он отсылает читателя к своей книге «Немецкое средневековое государство» и одновременно призывает к авторитету Эйнхарта. Сделано это в связи с полемикой против Наумана, автора «Срединной Европы». «Необходимо отметить», говорит Белов, что «председатель Пангерманского союза в своём историческом труде (разрядка моя. — Д. З.) охарактеризовал политику средневековых императоров как роковую (Эйнхарт. Немецкая история, стр. 26, сл. 5-е изд.). Поучительный контраст: Науман стоит за безбрежно широкую старую императорскую политику, без национальных чувств; Пангерманский союз тоже является сторонником весьма крепкого союза с Австрией, но в национальном духе»⁸⁰.

В 1922 г. вышла книжка «Немецкая имперская политика прежде и теперь», в которой Белов говорил о «восточной политике» более открыто и агрессивно, чем до войны, употребляя иногда выражения, близкие к эйнхартовским. Результаты политики Оттона названы в стиле Класа «роковыми». Нужно было, говорит Белов, совсем другое: «...укрепление государственной власти внутри и энергичная немецкая политика продвижения границ, особенно в отношении славян; вот это был бы здравый немецкий идеал»⁸¹. Императоры, по мнению Белова, многое сделали на пользу Италии, на пользу папства; тем самым они выполняли неблагодарную работу «для чужих за счёт немецкого народа», но свою основную историческую задачу они упустили; это был «трагический конфликт»⁸². Зато успехи Тевтонского ордена «принадлежат к числу великих событий немецкой истории». Затем Белов подводит итог: «После того как всё же на славянской границе создан был перевес сил германства, колонизация и германизация Востока происходили с XII в. в основном мирным путём. В конце средневековья и в начале нового времени Востоку опять нужна была политическая поддержка со стороны империи, но ввиду слабости центральной власти он её не получил»⁸³.

В 1927 г. Белов выпустил в качестве приложения к «Historische Zeitschrift» книгу «Итальянская политика немецких средневековых императоров, особенно Фридриха Барбароссы. К вопросу об образовании суждений в исторической науке». Антитеза «итальянская политика — восточная политика» широко продемонстрирована во всех трёх разделах этой книги: и в «Общей оценке политики средневековых императоров»,

и в «Обзоре политики каждого из немецких правителей в отдельности до Конрада III», и в последнем разделе — «Политика Фридриха I». Выводы Белова даны в словах «Итальянская политика... погубила немецкую империю»⁸⁴. Сформулирован общий вывод, применимый и к современности: «Таким образом, везде обнаруживается, что восток, или же восток вместе с севером, представляет собой в собственном смысле слова поле деятельности для немецкой экспансии, район немецкой колонизации»⁸⁵.

Итак, Белов основательно поддержал Класа. Однако он позаботился и о том, чтобы не нанести ни малейшего ущерба научному авторитету Шефера. Он полемизирует с ним по вопросу об оценке «итальянской политики», но делает это с необычайной для него мягкостью. Он хочет убедить читателя, что Шефер, хотя и не осудил резко итальянскую политику средневековых императоров, но вместе с тем своё признание этой политики он настолько ограничивал, обставляя его такими оговорками, что, по сути дела, не осталось почти никаких разногласий между ним и сторонниками Зибеля⁸⁶. Белов старается создать впечатление, что Шефер — учёный крупного калибра. После возражения Шеферу он тут же начинает усиленно ссылаться на него по какому-нибудь иному поводу или же подчёркивает в общей форме, что «Немецкая история» Шефера даёт в основном наилучшее изложение по тому или иному вопросу, или же отмечает свою солидарность с Шефером по вопросам теории. Книги «Немецкая имперская политика», «Итальянская политика» и последний раздел книги «Немецкое средневековое государство» так и пестрят ссылками на Шефера.

IV

При изображении дальнейших этапов истории немецкого народа все пангерманские историки до крайнего предела извращают идею национального единства Германии, причём в качестве основы широко использованы в первую очередь прусские монархически-патриотические концепции, та «цитатель прусской легенды», о необходимости разрушения которой писал Энгельс Бебелю⁸⁷. Изложение этих пангерманских конструкций новой и новейшей истории Германии не входит в задачи настоящей статьи, и мы остановимся лишь на заключительных главах «Немецкой истории» Шефера и «Немецкой истории» Эйнхарта, содержащих характеристику современности и «взгляд в

⁸⁰ Below G. «Der deutsche Nationalstaat, Mitteleuropa und die deutsche Grenzsicherung». В кн.: Below G. «Krieg und Friedensfragen», Dresden und Leipzig. «Globus». Wissenschaftliche Verlagsanstalt. 1917 Bibliothek für Volks und Weltwirtschaft. Hrsg. von Prof. Dr. Franz von Mammen. H. 43. S. 23—24.

⁸¹ Below G. «Deutsche Reichspolitik einst und jetzt», S. 18.

⁸² Там же, стр. 25—26.

⁸³ Там же, стр. 19.

⁸⁴ Below G. «Die italienische Kaiserpolitik des deutschen... Mittelalters», S. 78: В других местах (стр. 3, 34) Белов оговаривает, что причиной гибели империи и последовавшей затем раздробленности Германии является наряду с итальянской политикой ещё одно обстоятельство (чисто случайное), которое он называет «краткая жизнь династий».

⁸⁵ Там же, стр. 29.

⁸⁶ Below G. «Der deutsche Staat des Mittelalters», S. 354.

⁸⁷ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXIX, стр. 41, 230.

будущее», прогноз. Здесь окончательно раскрывается «смысл истории Германии» в извращённом истолковании пангерманских историков.

Шефер в конце «Немецкой истории» возвращается к тому, о чём говорил во введении, к «особому положению» немецкого народа в Европе; опять он выдвигает на первый план два обстоятельства: во-первых, наличие среди населения Германии «чужеродных элементов» и, во-вторых, наличие во всём мире «заграничных немцев». Подводя итоги своему псевдоисторическому повествованию, пангерманские историки внушали читателю мысль, что национальное объединение Германии якобы ещё не закончено, причём имелись в виду заграничные немцы. Это был давнишний лозунг пангерманской пропаганды, сформулированный, надо полагать, не без участия Шефера и других историков. В воззвании Пангерманского союза, выпущенном в 1894 г., когда председателем союза стал Хассе, говорилось: «Мы хотим внедрить в массы немецкого народа убеждение в том, что развитие Германии далеко ещё не закончилось событиями 1870 и 1871 годов. Общие интересы великого немецкого народа, верхненемецкого и нижненемецкого, ещё ни в какой мере не оформлены политически или экономически. Всё большее распространение получает мысль, что немецкая империя превратилась в мировую империю, но вытекающие отсюда выводы ещё не сделаны»⁸⁸. В воззвании 1896 г. опять: «Мы должны внушить широкому массам нашего народа убеждение в том, что эволюция Германии далеко ещё не закончена 1870 и 1871 годами. Мы не должны забывать, что по ту сторону красно-бело-чёрных пограничных столбов живут тысячи немцев»⁸⁹.

Эта программа методически разрабатывалась и осуществлялась Пангерманским союзом во всех направлениях и, в частности, в области исторической науки. Именно вымысел о незавершённости национального объединения Германии после 1871 г. (т. е., по сути дела, лозунг империалистической экспансии Германии) и положен в основу заключительных глав как «Немецкой истории» Шефера, так и «Немецкой истории» Класа. Различие между ними в тоне: у Шефера — лицемерно грустная покорность неизбежному, у Эйнхарта — громогласный призыв к действию. Шефер выступает как патристически настроенный учёный, человек кабинетный, далёкий от практической жизни; он благодушный идеалист, немного наивный. Именно таким Шефер изображён в мемуарах Класа. Эйнхарт же выступает в роли реального политика. Читателю внушается, что с ним говорит человек, хотя и резкий в суждениях, но зато прямой, хорошо знающий жизнь, умеющий взглянуть правде в лицо и найти верный путь для спасения немецкого народа. Эти две маски типичны для пангерманской пропагандистской литературы.

Как расценивали пангерманские историки внутриполитическое положение современной

им Германии: как период подъёма или как период упадка? И Шефер и Клас рисуют предшествующий период, с 1871 г., самыми радужными красками как эпоху подъёма и блеска, а современность — как начало упадка. При этом Шефер, выдерживая свою роль «учёного идеалиста», говорил о внутриполитическом положении страны в относительно спокойном, благодушно-оптимистическом тоне и лишь в неопределённых, расплывчатых выражениях намекал на «опасности», угрожающие «моральному бытию» немецкого народа. «Реальный политик» Эйнхарт давал, по существу, то же построение, те же оценки, но в другом тоне. У него больше пафоса и политической остроты, краски гуще, мрачнее; эмоции читателя взвинчиваются до ощущения катастрофы. Клас запугивает читателя и одновременно старается нарисовать в его воображении образ грядущего избавителя от всех зол, «второго Бисмарка». Это была идеологическая подготовка реакционной диктатуры.

V

В статье Белова 1921 г. «Препятствия к проявлению политических способностей немцев и устранение их» перед нами рассуждения, оценки, термины, которые поразительно близки к эйнхартовским.

Содержание этой любопытной статьи Белов считал настолько важным, что сам частично резюмировал его в одной из своих книг: «В своей статье «Препятствия к проявлению политических способностей немцев» я описал эти ферменты национального разложения: 1) политическая раздробленность и партикуляризм, 2) конфессиональный раскол, 3) интернационализм еврейства, 4) наличие в Германии огромного количества наёмных рабочих, преисполненных марксистскими взглядами»⁹⁰. Действие этих ферментов decompositionis, разъясняет Белов, усугубляется и становится «зловеще роковым», потому что они помогают друг другу в деле разложения национального единства Германии.

Белов призывает сопротивляться развитию демократии, не смущаясь тем, что находятся люди, считающие успехи демократии закономерно обусловленными. Можно и должно, говорит Белов, оказывать сопротивление «так называемому закономерному развитию», это доказано уроками истории, в частности изучением политики Бисмарка. Последний, как разъяснял Белов, не подчинился тому, что современным ему общественным мнением рассматривалось как требование эпохи, а наоборот, он «выбрал то, что сам считал способным к жизни, и дал ему перевес»⁹¹. На этом примере отчётливо видно, почему Белову так ненавистна была идея исторической закономерности.

Работы Белова пользуются авторитетом среди медиевистов. Между тем факты его биографии, приведённые в настоящей ста-

⁹⁰ Below G. «Deutsche Reichspolitik», S. 47.

⁹¹ Below G. «Hemmnisse der politischen Befähigung der Deutschen und ihre Beseitigung». «Preussische Jahrbücher». Bd. 185. 1921, S. 25.

⁸⁸ Helmer P. «Guillaume II et les pan-germanistes». «Revue de Paris», 15 avril 1913, p. 677.

⁸⁹ Там же, стр. 680.

ть, показывают, что учёная деятельность Белова теснейшим образом переплетена с его архиреакционной политической деятельностью; изучение его методов и концепций — даже частичное, на ограниченном материале, в связи с частным вопросом — тоже даёт результаты, весьма показательные, свидетельствующие не в пользу Белова как учёного. Отсюда прямой вывод: нужна критика Белова. Необходимо, чтобы наши медиевисты осветили деятельность этого историка в полном объёме, рассматривая его методологию и специальные работы (например, по истории средневекового города) в их связи с теми общими концепциями, которые Белов проводил с таким рвением. Необходимо также вскрыть, каким образом Белов использовал в своих специальных работах неокантианские установки. Аналогичные пожелания можно высказать и относительно такого видного неокантианца среди историков, как Эдуард Мейер. Достаточное основание к этому дают и приведённые в этой статье факты его политической деятельности и вместе с тем большое влияние этого историка, особенно в США ⁹².

В заключительных абзацах «Людвига Фейербаха» Энгельс говорит, что после 1848 г. в Германии в области исторических наук, включая и философию, «совсем исчез старый дух ни перед чем не останавливающегося теоретического исследования. Его место заняли скудоумный эклектизм, боязливая забота о местечке и доходах вплоть до самого низкопробного карьеризма. Официальные представители этой науки стали откровенными идеологами буржуазии и существующего государства, но в то время, когда оба открыто враждебны рабочему классу» ⁹³.

В письме от 1 февраля 1881 г. Энгельс пишет Каутскому: «Для Вас будет очень полезно выбрать из той некритической атмосферы, в которой прозябает вся изготовляемая ныне в Германии историческая и

экономическая литература» ⁹⁴. В 1885 г. Энгельс писал Даниельсону: «Вся историческая наука, включая политическую экономию, пала так низко, что ниже опуститься едва ли возможно... Разве не прекрасный пример того, что Гегель называет иронией всемирной истории, тот факт, что благодаря возвышению Германии до положения самой могущественной европейской державы германская историческая наука оказалась низведённой до того же жалкого уровня, к которому она пришла в период глубочайшего политического упадка Германии, после Тридцатилетней войны. Но такова действительность» ⁹⁵.

Таким образом, пангерманские исторические концепции можно рассматривать как дальнейшую стадию того глубокого падения официальной немецкой исторической науки после 1848 г., о котором неоднократно писал Энгельс в 80-х годах XIX века. И самого внимательного изучения заслуживает тот факт, что пангерманская историография имела за пределами Германии авторитет, несоизмеримый с её научными качествами. При этом распространению пангерманских исторических концепций в кругах иностранных историков в значительной мере благоприятствовал созданный немцами же историками миф о превосходстве критического метода немецкой исторической науки.

Ленин писал о германском империализме: «Возьмите, например, Германию, образец передовой капиталистической страны, которая в смысле организованности капитализма, финансового капитализма, была выше Америки. Она была ниже во многих отношениях, в отношении техники и производства, в политическом отношении, но в отношении организованности финансового капитализма, в отношении превращения монополистического капитализма в государственно-монополистический капитализм Германия была выше Америки» ⁹⁶. Эта особенность германского империализма — его высокая организованность — сказалась и на той роли в подготовке германской агрессии, которую сыграли весьма широкие круги историков под руководством Пангерманского союза.

Опыт этой ранней стадии организации немецкой исторической науки капиталом учитывали с большим вниманием ещё до начала второй империалистической войны реакционные круги США, страны, где в наиболее широком масштабе осуществляется дальнейшая стадия подчинения науки интересам капиталистических монополий. В наши дни американская реакция стремится спасти и поставить на службу своим собственным империалистическим целям всё, что ещё уцелело от германского фашизма. Вполне понятна та высокая оценка, которую даёт американская реакция наследию немецких реакционных историков.

Д. Зандберг

⁹⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXVII, стр. 109.

⁹⁵ Там же, стр. 499.

⁹⁶ Ленин. Соч. Т. XXIV, стр. 135.

⁹² Правда, в книге Томпсона, выпущенной во время войны, соблюдена уже некоторая сдержанность в похвалах: лишь косвенно, через цитату из книги Шпенглера, Э. Мейер назван «величайшим немецким историком со времён Ранке»; от своего имени Томпсон и его соавтор Холм заявляют, что никогда в будущем «ни один историк-одиночка не сделает даже попытки сравниться с «Историей древности» Э. Мейера (Thompson. Указ. соч. Т. II, стр. 486—487). Барнс, издавший свою книгу до войны, в 1938 г., говорил, что Э. Мейер «намного превосходит всех когда-либо живших ориенталистов», что он «величайший из учёных историков всех времён» (Bagnes. Указ. соч., стр. 249), а в предисловии общая линия развития исторической науки обозначена словами: «От Геродота до Эдуарда Мейера». Эти американские историографы хотят сделать Э. Мейера центральной фигурой в истории исторической науки XX в., подобно тому, как это было сделано в отношении Ранке для XIX века.

⁹³ Ф. Энгельс. Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии, стр. 50—51. Госполитиздат. 1944.